

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ БОГА ОТ БОГОСЛОВОВ

Десницкий Андрей

Человек обращается к Богу. Он начинает говорить с Ним, и мы можем назвать это молитвой. А потом он обращается к другим людям, чтобы рассказать им о Боге, чтобы самому лучше понять содержание своей веры - и мы можем назвать это богословием. Он говорит на человеческом языке, ведь ангельских он не знает, и это естественно и правильно. К тому же человек не может постоянно находиться в состоянии святости, озарения, пламенной молитвы. Нужны ему бывают и чужие, "заемные" слова - как ориентиры. Они не заменяют собственного опыта, но они помогают ему раскрыться, состояться - как помогают нам чужие стихи о любви понять и выразить нашу собственную любовь.

Поэтому богословие просто необходимо. Без него, как и без церковной молитвы "чужими словами", верующий слишком легко становится добычей собственных фантазий и чужой недобросовестности. Ереси, то есть неверные представления о Боге, действительно существуют, и чтобы придти к Истине, нужно суметь отличить ее от лжи.

Слова о Боге призваны стать иконой, ведущей нас к Богу. Но бывает и иначе: они становятся идолом. Человек вытесывает из слов, как прежде из дерева или камня, некий образ Бога - по собственному вкусу, разумению и умению - а потом начинает истово ему поклоняться, порой даже и приносить ему человеческие жертвы. Как же это получается?

Бог - Иной. Любое данное Ему определение, пусть даже самое верное, будет неполным и неточным. Называя Его любящим или справедливым, мы обычно проецируем на Него наши представления о любви или справедливости, и потом рассуждаем именно о них. Есть предание о древнем богослове, который прогуливался по берегу моря, размышляя о Боге, и вдруг увидел мальчика, лившего воду в маленькую ямку. "Что ты делаешь?" - спросил богослов. "Хочу перелить море в эту ямку!" - ответил мальчик. Богослов рассмеялся. Тогда мальчик сказал ему: "А разве не тем же занят ты, когда пытаешься вместить Бога в свой разум?"

Богословские понятия можно условно разделить на две группы. Одна выражают совершенно конкретные вещи, доступные чувственному восприятию, например: смерть и воскресение. Если мы говорим, что Христос умер и воскрес, это будет звучать по-разному на разных языках, но смысл высказываний будет в точности совпадать. Но есть в богословии идеи, которые даже носителями одного языка воспринимаются по-разному, например: святость, страх Божий или праведность.

Христос умер и воскрес "нас человек и нашего ради спасения". Это факт. Но богословы обычно рассуждают о другом: скажем, кто, как и кому принес искупительную жертву на Голгофе, или когда, как и в каком смысле хлеб и вино становятся на Евхаристии Телом и Кровью Христа. А это уже сложные понятия, которые воспринимаются разными людьми по-разному, и невозможно бывает найти такую формулировку, которую все понимали бы одинаково.

А если эти слова нам еще и предстоит переводить на другой язык? Ведь даже хорошо знакомые нам предметы и явления окружающего мира описываются у разных народов по-разному. В русском языке много слов для обозначения разных видов снега и льда, и связанной с ними зимней погоды: наледь, изморось, иней, наст, пурга, вьюга, сугроб, поземка. В английском таких слов существенно меньше, а в некоторых африканских языках

все это обозначается общим выражением "белое холодное". Зато, к примеру, эскимосы по-разному называют снег, лежащий на земле, и снег, летящий с неба, как мы отличаем "лужу" от "дождя". Это вполне естественно, если вспомнить, какую роль играет снег в жизни этих народов.

Любые слова и понятия можно правильно воспринимать только в системе. Если незнакомому с нашим климатом африканцу попробовать объяснить разницу между пургой и поземкой, наледью и настом, он просто ничего не поймет. А когда речь заходит о предметах духовных, риск непонимания возрастает во много раз.

Например, мы знаем о монофизитской и монофелитской ересях, которые искажали учение Церкви о Христе, умаляя полноту Его человеческой природы. Эти ереси реально существовали, были определены и отвергнуты Церковью. Но когда мы сегодня называем кого-то монофизитами (например, сирийцев или армян), мы должны убедиться, что это именно ересь, а не разница в терминах.

Так, православные греки говорили, что во Христе есть две природы, божественная и человеческая, и две воли (*фелима*), поскольку каждой природе - Божественной и человеческой - неизбежно соответствует свое хотение. Но некоторые сирийцы, напротив, настаивали, что во Христе только одна воля (*цевьяна*), потому что у Него одна Личность. Можно сказать, что обе стороны по-своему были правы, поскольку греческое *фелима* - совсем не то же, что сирийское *цевьяна* (в греческом этому слову будет соответствовать скорее слово *гноми*). С другой стороны, когда греки настаивали, что во Христе одна *ипостасис*, поскольку его Личность едина, то сирийцы говорили, что у Него две *кнома*, поскольку Он Бог и человек одновременно. Этому сирийскому слову скорее соответствует греческое *фисис* "природа", а на русский эти термины на даже не переведешь, так и приходится заимствовать слова "ипостась" и "кнома"[\[1\]](#).

Следовательно, если воспринимать эти термины в отрыве от всего комплекса богословских представлений, ничего, кроме пустых препирательств, не выйдет. Одна воля или две? Одна ипостась или две? Спросить большинство наших рядовых прихожан, так они затруднятся с ответом. Да и некоторые священники, пожалуй, тоже... И, что характерно, если научатся они этим премудростям, вряд ли от этого станут ближе к Богу.

Но, может быть, следует обратиться к Библии, чтобы найти четкие и однозначные определения, которые позволят разрешить недоумения? Посмотрим, к примеру, на слово "ипостась" (*ипостасис*). В греческом переводе Ветхого Завета оно встречается 23 раза, и нигде не имеет терминологического значения, вот, например:

- ...когда земля разверзла уста свои и среди всего Израиля поглотила их и семейства их, и шатры их, и все *имущество* их, которое было у них... (Втор 11:6)
- Возвратитесь, дочери мои, пойдите, ибо я уже стара, чтоб быть замужем. Да если б я и сказала: "есть мне еще *надежда*..." (Руфь 1:12)
- Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и *век* мой как ничто пред Тобою (Пс 38:6).
- Я погряз в глубоком болоте, и не *на чем стать* (дословно "нет ипостаси", Пс 68:3).

В Новом Завете это слово встречается всего пять раз:

- ...чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, - не говорю "вы", - похвалившись с такою *уверенностью*... (2 Кор 9:4)

- Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой *отважности* на похвалу (2 Кор 11:17).
- (Христос) ... будучи сияние славы и образ *ипостаси* Его... (Евр 1:3)
- Ибо мы сделались причастниками Христу, если только начатую *жизнь* (дословно "начало ипостаси") твердо сохраним до конца... (Евр 3:14)
- Вера же есть *осуществление* ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр 11:1).

Иными словами, в Библии это слово обозначает нечто твердое, реальное, существующее, но нигде оно не совпадает с богословским термином "ипостась", которое было взято скорее из греческой философии, чем из Библии. Даже цитата из Евр 1:3, сильно отличается от современного богословского языка.

Дело прежде всего в том, что Священное Писание предпочитает говорить с человеком не богословскими формулами, а рассказами, притчами и метафорами. Христос не писал катехизисов, а рассказывал слушателям о виноградарях, рыбаках и овцах; Он говорил не о Триипостасном и Единосущном Божестве, а о Себе и об Отце; он обращался не к усредненной аудитории, а к конкретному, живому человеку в его конкретной ситуации.

Более того, даже самые насыщенные богословскими формулировками книги Библии - Послания апостола Павла - построены в основном по тому же принципу. Павел обращается к конкретным людям и говорит об очень конкретных их проблемах. Зато богословы последующих веков нередко выдергивают его слова из контекста, располагают их в каком угодно порядке и выстраивают некое "учение Св. апостола Павла о таком-то и таком-то предмете", словно в руках у них конспекты лекций, прочитанных апостолом на богословском факультете университета.

К.С. Льюис^[2] приводил удивительный пример - Филиппийцам 2:12-13: "Итак, возлюбленные мои ... со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению". Если взять первую часть этого выражения, получится, что человек спасается сам, своими усилиями (крайнее пелагианство), если взять вторую - получится, что человек лишь игрушка в руках Бога, Который Сам выбирает, спасти его или нет (крайний августинизм). Так возникает пространство интерпретации, и, разумеется, разные богословские школы осваивают это пространство по-разному. Собственно, потому и существует в христианстве такое огромное количество разных конфессий и богословских школ: все признаю Библию высшим авторитетом, но все читают ее по-разному.

Метафоры и образы подводят человека к сердечному и опытному принятию идей, они часто учат его полнее и лучше, чем богословские трактаты, обращенные исключительно к его рассудку. Им, однако, обычно не хватает точности, поэтому нужны бывают и трактаты, и богословские формулы. Просто нельзя одно принимать за другое.

Отличить формулу от метафоры тоже не всегда просто. Во время Реформации католики и протестанты спорили о том, стоит ли метафорически понимать слова Спасителя "сие есть тело Мое". А на дороге из Иерусалима в Иерихон вам покажут заведение, гордящееся тем, что оно стоит точно на месте гостиницы, куда милосердный самарянин доставил впавшего в разбойники путника, хотя большинство читателей Библии понимает историю как притчу.

Есть ли выход из этого субъективизма? Конечно же, есть, и он известен давно: церковное Предание. В одном и том же Евангелии от Иоанна Христос говорит вещи, которые кажутся противоположными: "Я и Отец - одно" (10:30) и "Отец Мой более Меня" (14:28). Одно из

этих выражений можно понять только через призму другого. Так вот, церковное Предание подсказывает, что главное здесь: "Я и Отец - одно"; второе высказывание не отменяет первое, но говорит о добровольном подчинении Сына Отцу, о том, как Он умалился в воплощении.

Есть, разумеется, и другая трактовка. В древности ариане, а в наши дни свидетели Иеговы настаивали, что Христос вовсе не был равен Богу, и что за основу надо брать высказывание "Отец мой более Меня".

Где же критерии выбора? Если истолковывать Библию исключительно изнутри самой Библии, но его нет: можно понять так, можно эдак. Но есть коллективный опыт прочтения этого текста общиной верующих, которая его и породила - вот что мы называем церковным Преданием. Как писал о. Георгий Флоровский^[3], "догматические споры в Церкви шли не о содержании веры. В известном смысле спорили о словах, - искали и чеканили "богоприличные" выражения для еще не закрепленного в словесные одеяния всецелостного и тождественного опыта". То есть опыт был изначально, а "словесные одеяния" подыскивали по мере надобности.

Возьмем еще один небиблейский богословский термин: *единосущный*. До арианских споров у Церкви его не было, но была вера в единство Отца и Сына. Для многих рядовых прихожан православных храмов разница между этими терминами тоже не вполне ясна, и можно сказать, что их богословское образование осталось на "до-никийском" уровне. Ересь возникает тогда, когда возникает противопоставление *единосущия подобносущию*, как у ариан. Само по себе правильное повторение правильных слов еще ничего не значит, равно как еще не значит ничего и отсутствие этих слов.

Кстати, об арианах. Мне довелось недавно видеть иеговистский буклет. На обложке была такая картинка: двое безупречно одетых людей беседовали где-то на улице с третьим. Они держали в руках раскрытую Библию, и один показывал пальцем на некое место в тексте. И уже неважно, куда именно он тыкал. Где начинается сектантство, ересь? Именно там, где из полного текста Писания на ходу выдергивается некое количество цитат, которыми, при известной ловкости, можно доказать вообще все, что угодно.

Но... не так ли нередко и мы используем Библию? Сборник цитат и образов, который достают с полки только тогда, когда нужно подкрепить чем-то свою собственную точку зрения. Человек не может или не хочет охватить взглядом всю картину, не хочет учиться, а хочет скорее учить - и вот он, сборник цитат, наготове... А потом приходит другой человек, берется за другую частность, и начинается спор.

Прочитал, к примеру, один, что свершившееся на Голгофе искупление следует понимать так: Бог-Сын заплатил Богу-Отцу долг, причитающийся с грешного человека. Возмутился неполнотой и приземленностью этой метафоры (а это, конечно, метафора), и сказал: совсем не так, к чему же платить Богу выкуп, как бандиту, если Бог есть Любовь! И стал повторять совершенно верную формулировку "Бог есть Любовь" так часто и так страстно, что другой человек в свою очередь, тоже возмутился: позвольте, а зачем тогда Голгофа? Неужели мы сбрасываем со счетов, что за наши грехи пролилась Кровь Христа? Ведь и это - правильная формулировка...

Но формулировки тут - не главное. Они важны и нужны, но они слишком легко превращаются в идолов. И тогда наша "православность" сводится к борьбе за правильные

слова вне правильного контекста - а еще точнее, к борьбе против неправильных (непривычных, незнакомых, подозрительных) слов ради... не всегда понятно, ради чего.

Человек берет совершенно правильную фразу (например, "Бог есть любовь", или "вы призваны к свободе" или "всякий, кто призовет имя Господне, спасется") и, вместо того, чтобы идти сквозь эту цитату к сокрытой за ней Истине, поклоняется самой цитате, выстраивает однобокое богословие, примитивное, как звук шаманского бубна. Он вписывает Бога в существующие у него представления о любви, или свободе, или спасении. Бог оказывается таким маленьким домашним божком, уютно стоящим на каминной полке. Каждый выбирает себе идола по своему складу характера, воспитанию, привычкам. А все лишнее извергается вон.

Подобной богословской системой обладали иудеи во время прихода Спасителя. У них были вполне четкие и конкретные представления о Мессии, причем в общем и целом они были верны: ожидалось, что Мессия спасет Израиль и утвердит свое царство. Но именно эти представления и помешали им увидеть Мессию, когда Он действительно пришел... Он оказался не совсем таким, как Его ожидали, и этого Ему не могли простить.

Посмотрим, за что Христос обычно упрекал людей, которых встречал на Своем земном пути. Вовсе не за личные грехи, как можно было бы ожидать... Конечно, в те времена грех привыкли называть грехом, и, к примеру, запросто отпустить взятую в прелюбодеянии женщину можно было только в том обществе, где подобный грех действительно наказывали смертью. В нашем обществе, пережившем сексуальную революцию и уверенном во всеобщем праве на блуд, Христос наверняка сказал бы этой женщине нечто гораздо более суровое, нежели "иди и впредь не греши".

Но в Евангелии самые горькие упреки и самые резкие обличения Христос обращает именно к тем, кто вписывает Его в собственную богословскую систему. Ученикам не так уж трудно было после всех чудес признать в Иисусе Мессию, но куда труднее давался другой урок: Мессия превзойдет их ожидания. Им-то хотелось поскорее свергнуть власть иноземцев и грешников, сесть по правую и по левую руку от него, испепелить непослушных самарян и, самое главное, ни в коем случае не допустить гибели своего Учителя. Разве они хотели плохого? Нет, конечно же.

Не ради тридцати монет же, в самом деле, Иуда совершил такое страшное предательство - заведя денежным ящиком, он мог присвоить себе куда больше денег. А ради чего? Многие считают, что Иуда то ли разочаровался в Учителе, который никак не хотел свергнуть римлян, то ли решил таким образом спровоцировать его открытый конфликт с властями: посмотрим, мол, как Он поведет себя в такой ситуации. Мессия должен был соответствовать ожиданиям Иуды... Даже для остальных учеников путь к Истине оставался до до времени заслонен этими шаблонами.

Конечно, непозволительно и делать из Христа "борца с системой", наподобие анархистов. Он Сам сказал, в конце концов: "не нарушить пришел Я, но исполнить" - подтвердив тем самым необходимость и правоту Закона. Он вовсе не плох - плохо, когда им подменяют Жизнь, когда живую человеческую душу кладут на прокрустово ложе строго вымеренных правил. Даже церковная проповедь порой звучит, как сказал один мой знакомый, "как будто мы хотим преподать Богу урок философии". Нет, этого Он от нас точно не ждет.

Итак, если в словах говорящего "Бог есть Любовь" не слышно любви, если твердящий о свободе не стремится освободиться от страстей - он в лучшем случае суесловит. В худшем -

идолопоклонствует. Лучше сказать просто "доброе утро!", но так, чтобы в этих словах прозвучало эхо божественной Любви и человеческой свободы.

Здесь стоит сделать важную оговорку. Если кто-то понял меня так, что лучше жить вообще безо всякого богословия, мол, "Бог у каждого в душе", и не важно, как Его называть: Пресвятой Троицей, Ваалом или Кетцалькоатлем - тот не понял меня совершенно. Это все равно, что заявить своей жене: ты у меня в душе, и не важно, в чьей постели я провожу ночь. Не случайно язычество в Библии постоянно описывается как тяжкий блуд. Кому не важно знать Имя, тому не важна и Личность.

Богословие нам совершенно необходимо, тем более, что оно само и определяет свои границы. Вспомним о важнейшем для православной традиции различии между *сущностью* и *энергиями* Бога. У нас это разделение связывают с именем Св. Григория Паламы, а в иудаизме, кстати, о подобном говорил Маймонид. *Сущность* Бога непознаваема, она безмерно больше всех наших категорий и представлений. Даже в Своем Откровении Бог дает нам знать о Себе то, что нам знать нужно - но далеко не все. В этом источник *апофатического* богословия, которое говорит, что *не есть* Бог. А вот *энергии*, то есть проявления Бога в этом мире, вполне доступны человеческому восприятию, о них говорит богословие *катафатическое*, положительное. По сути, когда мы говорим, "Бог есть любовь", мы говорим именно об энергии: "Бог любит меня и ждет от меня ответной любви". Соответственно, в каждую секунду нашей жизни эти слова - призыв, на который мы в той или иной степени отвечаем - или не отвечаем.

Богословие - очень нужная вещь, но не для Него, а для нас - чтобы мы не сбились с той дороги, которая ведет к Нему.

* * *

В дополнение я хочу привести слова других людей, с которыми мы в свое время обсуждали эту проблему в интернете (www.kuraev.ru/forum) - слова, которые мне самому помогли с ней разобраться.

Надежда: Бог познается сердцем, душой человеческой. По мере возрастания представление человека о Боге может изменяться, дополняться, какие-то моменты будут пересматриваться. И это нормально. А сейчас прилавки изобилуют карманными брошюрками с советами "на все случаи жизни": что надо знать мальчишкам и девочкам, воинам и женам, беременным и алкоголикам, где в доме повесить иконы и как бороться с сектами и экуменизмом. Порой читаешь, и волосы дыбом встают. То ли это духовный инфантилизм, то ли боязнь пользоваться Богом данной свободой и учиться думать и принимать решения, то ли страх: "а вдруг ничего не пойму у Отцов?"

Владимир Мурылев: Кто-то когда-то заметил: "Раньше был Пушкин, а теперь - пушкинисты". Ровно то же, по-моему, давно происходит с тем, что называют "богословием". Раньше были Отцы-Богословы, а теперь - патрологи. Как есть литература и литературоведение, так есть богословие и богослововедение. И многие проблемы возникают от смешивания этих понятий. Богословие оказывается наукой со своими методами систематизации, классификации, изучения древних текстов... Пишутся диссертации, учебники "богословия", их читают, изучают, возникает иллюзия Богопознания, и вот уже новоявленный "богослов", вооружившись арсеналом цитат и обоймой учебников, смело обличает многочисленные "ереси" своих оппонентов. А когда человек делится своими мыслями о Боге и духовной жизни, то его тут же просят предъявить "ссылки на Отцов",

выстреливая в ответ залпом цитат и обличая, обличая... Можно реально лично пребывать в гармонии с Богом и миром, а можно строить интеллектуальные модели, системы. Это разные вещи. А может все это и естественно? Я помню в детстве, все дискуссии происходили примерно так: "А мне папа сказал...", "Нет, а вот мне папа сказал..." Может, этот этап всем нам, и лично и вместе, просто необходимо спокойно и терпеливо пережить?

Сергей Каринский: Спроси нас любого, грешны ли мы, и мы скажем: да. Является ли наш разум совершенным? - разумеется, нет. Но когда мы начинаем цитировать Священное Писание или Отцов, с нами происходит нечто странное. Мы полагаем: там же все понятно, мы знаем, что имели в виду Отцы. И бьем этими Отцами собеседника по голове. Язык, на котором можно высказать нечто реальное, нам не дан. Он каждый раз создается заново в акте прорыва к реальности. Тут есть аналогия с поэзией. Поэтическое слово подготавливается веками. Оно должно быть абсолютно новым, и при этом связанным со всеми другими поэтическими словами всех веков миллионами нитей. Именно за счет этого одним словом можно сказать так много.

[Сайт автора](#)

[1] Н. Селезнев, *Христология Ассирийской Церкви Востока*, М., 2002

[2] К.С. Льюис, *Письма к Малкольму*, собрание сочинений, том 8, Москва, 2000, с. 372.

[3] В своей статье "Два завета" - http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/dva_zaveta_florovsky.htm